

ГОРДОН КРАЙГ.

Английский театральный конструктор и режиссер.

«Гамлет» для Крайга был мистерией, поэтому он стремился уничтожить реалистические черты в постановках, ибо они не нужны для высоких идей театра». Вместо декораций, Крайг поставил ширмы.

«Гамлет» был осуществлен К. С. Станиславским, при деятельном содействии величайшего визуалиста—покойного Л. А. Сулержицкого.

ОН И ПОЭТЫ.

Пожалуй не лишнее к именинам М. Х. Т. вспомнить о том, как Бонстантин Сергеевич относился к поэтам в тех случаях, когда слушал стихи из уст авторов, обладающих способностью наизусть и нескупо прочесть свои дельно сработанные вещи.

Я был одним из таких расторопных «свельастых» мальков, кто не один раз доставлял удовольствие наститому «американскому дядюшке» у него на дому, еще в Каретном, а потом на новоселье (по-неволе) в Леонтьевском.

Однажды я узнал, что К. С. очень болен и я отправился навестить старика.

Пришел часов в 9 вечера. Тишина.

Пусто до жути. Сверчок...

Хотел было улизнуть обратно, но мой сверчковый выиет заметил и проведи к больному.

К. С. лежал в подушках. Обрадовался.

— Вот кстати явились—сказал К. С.—я очень хотел бы послушать стихи. Давайте, если не лень. А? Ну как?

Делать мне было нечего, спешить некуда и я тихо согласился.

Читал полчаса, читал час, читал два часа, а Бонстантин Сергеевич все просит читать: еще и еще.

И я с увлечением продолжал.

СТРАШНАЯ НОЧЬ В М. Х. Т.

Обычно это происходило по сочельникам: в полночь являлась Фея Берлиона и освобождала души вещей. Вещи оживали и до утра театр дрожал от гула голосов.

Но теперь нельзя было ждать сочельника. Двадцатипятилетний юбилей не такое уж маловажное событие, чтобы его можно было пропустить. И едва только монтер повернул рубильник и сцена погрузилась во тьму, прерываемую только светом дежурной лампочки, вся утварь бросилась к зрительному залу. Это было так поспешно, что какой-то светильник—кажется из «Жизни Человека»—задел выходящего монтера. Монтер испугался и чертыхнувшись бросился из театра.

А «народ» в зрительном зале все прибывал. Свади столы для президиума расположились шарокие задники и паддуги. У кулис толпились деревья и скалы. В партере сидела мелкая бутафория, парики и костюмы, а литерные ложи заняли корректные круговские ширмы из «Гамлета». Бель-этаж, ярус, даже проходы в зал—все было занято вещами.

Пожарные каски с трудом наводили порядок, протискиваясь между рядами.

Заседание открыла старая, с «настроением» тухнувшая лампа. Почти вставанием памяти снятых постановок и только после этого приступили к «порядку ночи».

А вопрос, приуроченный к юбилею, был очень важный: отказ от натурализма со стороны людей, меры вознаграждения к нему и борьба с конструкциями.

При оглашении повести лесенка из «Угрошения строптивой» громко хихикнула и толкнула в бок рабиновичевскую колонну. Колонна только отмахнулась, но председательствующая лампа уже замгала и призывала их к порядку:

— Если современная молодежь не умеет себя держать на собраниях, то лучше их вовсе не посещать!

Приступили к прениям. Первым говорил Вишневы Сад. Старик долго шумел бутафорскими ветвями и шелестел коленчоровыми листьями. Чувствительный аппарат для имитации дождя даже преслезился.

Наконец в полпоче позвали нас в столовую, снаряженную самоваром и пирогами.

О, что за пироги это были!

Скажу только, что если бы я писал такие же упительные вещи, как пироги Станиславского, я получил бы все ордена, все знаки отличия... После парогов я решил идти домой.

Не тут то было.

Б общему изумлению большой пожелал перейти в гостинную, чтобы продолжать слушать стихи. Его уложили в подушки на диван.

Только тут я заметил, что Б. С. значительно ободрился, повеселел, даже сострил:

— Читайте, читайте... Помните, как у Гоголя, в «Ревизоре»: читать, так до конца читать.

И я читал. Разошелся. Разгорялся.

Голос после парогов звучал шалашински.

Сверчок смолл... Особенно, когда я взялся за «Стеньку Разина».

Б. С. хохотал, как ребенок, над разбойничьими стихами.

И забыли оба мы, что существуют болезни и время. Пробыло 5 утра. Стало светать.

Но не хотелось расставаться.

И чувствовал, как все время неотступно, неустанно за каждым словом и звуком следил гениальный старик, подмечая всю мою словесную и звуковую технику, наблюдая за каждой лабораторной мелочью.

— Боже мой, — прошептал он — ведь судьба Вишневого Сада — судьба всех нас! Неужели никто этого не понимает?..

... Вишневый сад все говорил и говорил. Он упоминал о своей молодости, о том, как на него нельзя было получить билетов, как восторженно отзывался о нем сам Чехов. А теперь какой-то Бескин радуется «Пожару Вишневого Сада»! Можно ли после этого говорить о справедливости?!

Потом выехала портянна из «На дне». Эта почтенная особа, заставившая всех заткнуть носы, долго распиналась о натурализме. Чайки на занавесе сочувственно махали ей крыльями. После портянки слово получила шлага Дон-Жуана. Она решительно признавала уничтожить все конструкции и вообще «левизну». Секиры из «Царя Федора» одобрительно зашумели. Положение сильно обострилось.

В это время выступила площадка из «Турандот» и это-то решило все дело. Смешливая, она сказала вялостью:

— «Мима... наши иппа-паш! Ччегего вы волнуетесь? Если вы нас уничтожите, кто же на вас ходит бббу...дет? Ккакачем не заманишь... Взволнованно запнулась...

«ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ».

Пушкинский спектакль Художественного Театра
26 марта 1916 г.

Постановка А. Бенуа. Декорации по его эскизам.

Более чудесных слушателей, как Б. С., я не знал, не встречал.

И надо ли говорить о том, что, слушая, он сплошь и рядом давал такие изумительные указания или соавты, что при энергия и толковом восприятии можно было у него же на глазах расти и расцветать беа берегов.

И больше — он, как вдруг нахлынувший жнвный ветер, умел так обдавать своим обяательным темпераментом, что хотелось опьяненно бежать домой и работать впризг!

Так я и делал. И не раскаиваюсь.

Станиславский — океанская фигура.

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ.

И тут начался форменный погром. Нельзя было даже разобрать, кто кого бьет: сначала все набросились на конструкции, заодно разнесли липовые деревья из «Периколы», а потом стали драться с кем полагало. Так продолжалось до утра.

Шум был такой, что милиционер на углу Тверской и Камергерского долго прислушивался и все думал: позвонить ему в комиссарнат или не стоит.

Когда утром Немирович Данченко нашел в своем кабинете на столе ботинок из «Пэр Гюнта», он был очень недоволен и заводующий обувной мастерской получил выговор.

Но так никто и не узнал, что за побойще было в юбилейную ночь.

Только с тех пор все чеховские спектакли были сняты раз и навсегда: монтировка и ним оказалась нпкуда негодной.

Старика не выдержали ночной битвы.

ИНАР.